

ЧИЛИ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

ЧАСТЬ I. ВЕЛИКИЙ СЕВЕР.

На севере Чили, посередине самой засушливой пустыни планеты Атакамы, некоторые из звезд спускаются на землю и зажигают свечи придорожных могил. Проехав целый день вдоль разноцветных холмов, уходящих от Тихого океана к боливийским джунглям, мы дождались ночи и захотели услышать небо Южного полушария. Пройдя несколько минут по камням, разбросанным несколько миллионов лет назад соседним вулканом в момент последнего сотворения мира, мы остановились от странного чувства, будто дошли до черты, перешагнув которую время и пространство пересекаются и человек – такой нелепый и случайный в этих местах - становится точкой их пересечения. На обратном пути к машине мы впервые решились оглядеться. В нескольких метрах от нас стоял гранитный образ местной святой, известной здесь, как Санта-Тересита-де-Лос-Андес. Вокруг горели десятки только что зажженных свечей и ни души – на сотни километров вокруг.

Один раз в год эта пустыня оживает. Никто не знает когда точно, но обязательно каждый год, ночью, облака приходящие с моря проливают на эту спящую землю немного влаги и с рассветом из-под камней и песка начинают пробиваться миллионы кроваво-красных цветов. Утром они раскроют бутоны, а в полдень солнце пустыни сожжет их, и еще год жизнь будет притворяться смертью.

Эти места встречи между океаном, пустыней и высокогорным андским плато Альтиплано – это единственные на Земле, которые одновременно напоминают Гималаи, Сахару и побережье Берингова моря. Здесь находится большая часть из двух тысяч чилийских вулканов, примерно пятьдесят из которых действующие.

- Чилийский север – это другая планета, - сказал мне приятель, лет шесть назад явившийся одним из первых проводников по Атакаме, - здесь даже законы физики другие... посмотри вот как эти реки текут снизу вверх.

Мы были уже высоко в горах и поднимались к аргентинской границе вдоль ручья, который через несколько километров умрет в песках. Я отвлекся от доисторических пейзажей, по отражению которых скользили тени пролетающих фламинго. Ручей выглядел совершенно обычно, но его воды текли вверх. Эффект усталости мозга в условиях высокогорной нехватки кислорода? Закон сообщающихся сосудов? Что-то еще? Ручей тек вверх, из-под далеких песков к сиявшим над нами вечными снегами Анд. Пришлось отломить высохший кусок кактуса и бросить в воду. Он поплыл против течения. Оптический эффект, вызываемый разными углами наклона ручья и нашего расположения на склоне горы прекрасно дополняет сумасшествие природы и ограниченность человеческого восприятия.

На границе между гигантскими валунами, величиной с двухэтажный дом и зеркальной гладью солончака, как наконечники стрел побежденного исполинами войска, разбросаны зубы доисторических акул, которые так и не успели вонзиться в каменные отпечатки древних рыб, утонувшие здесь же. Миллионы лет назад эти пески были дном океана. В отеле туристического городка Сан-Педро-де-Атакама, местный торговец предлагал нам десятисантиметровый акулий зуб, и стоило это 200 долларов. 20 миллионов лет назад пустыня была океаном... миллион лет за 10 долларов – это дешево или дорого?

Весь мир знает о загадочных фигурах пустыни Наска на юге Перу, где с самолета можно разглядеть десятки странных существ и животных, выложенных из камней на многие сотни метров. Пустыня Наска – продолжение той же Атакамы, которая начинается в 600 километрах севернее Сантьяго и заканчивается на севере Перу. В тысячах километров от Наски, в местах недоступных туристической авиации и лишенной смотровых площадок, десятки других каменных силуэтов ждут своего свидания с давно исчезнувшими богами. Все «инопланетные» версии тайны кроме недостатка воображения грешат недооценкой великих культур прошлого американских народов. Наиболее распространенная и в то же время самая немногословная индейская версия состоит в том, что эти фигуры служили ориентиром для астральных полетов духа древних шаманов, которые совершались ими во сне в миры пращуров и потомков.

В одном из рыбацких селений севера, мне рассказывали, что предки предков этих рыбаков никогда не расставались со своими мертвыми. Климат пустыни сохраняет тела умерших, и покинувшие этот мир члены семьи оставались в доме, и новые поколения продолжали жить среди высохших тел, продолжали общаться с ними, находя ответы предков в шуме раковин и знаках ночного неба. Когда живым и мертвым становилось тесно под одной крышей, живые уходили, строили новые дома по соседству и время от времени возвращались в дома умерших родственников поделиться с ними новостями или спросить совета. Независимо от того правда это или нет – известно, что мумии здешней культуры Чинчорро – самые старые в мире и если древние египтяне создавали свое искусство на крышках саркофагов и стенах пирамид, индейцы Чинчорро рисовали первейшие из картин на телах своих мертвых и вместо того, чтобы спорить с вечностью путем сооружения великих строений, посвящали все время общению с песком, океаном и небом – единственными элементами, способными впитать глубину одиночества человека, потерянного в этом пространстве.

В языке впервые попавших сюда европейцев не было слов для отражения этого мира. Языки живших здесь народов – атакаменьос, диагитов, чанго и койя уничтожались вместе миром, который они представляли. Поэтому сегодня в географии этих мест есть столько гор, озер и селений, смысл названий которых ушел от нас вместе с языками древних жителей этих мест. Когда Чили еще не называлась Чили, и все местные границы определялись направлениями миграции перелетных птиц, непроходимостью гор и зеркалами солончаков, переносившим

на землю карту звездного неба, слово было табу и магией, неосторожное прикосновение к которому могло разбудить спящие вулканы и наслать на берег живых разрушительные волны моря мертвых. Потом, первые чилийские поэты, безвестные дети конкистадоров и изнасилованных ими индейских наложниц, впервые попытались назвать вещи и чувства этого мира, складывая слова из криков птиц, рычания пум, шума ветра в горах, грохота камней, плеска прибоя и биения собственного сердца, вобравшего в себя все эти звуки и всю эту тишину.

Между Тихим океаном и Центральными Андами, вдоль Атакамского солончака проходит Соленая Кордильера – небольшая горная цепь, основные составляющие которой – множество разноцветных минералов, соль, песок и ветер, миллионы лет ведущий с ней странную игру, результатом которой стали самые неземные из мест планеты Земля – Лунная долина, долина Смерти и другие, названия которым турагентства пока не придумали. Когда попадаешь туда на закате, смотришь на игру красок, света, тени, неба и земли в своем самом первозданном, инопланетном облике, неожиданно оказываешься в самом эпицентре мироздания, когда последние песчинки и первые звезды становятся частью цельного и единого космического спектакля, камни сияют в свете огромной луны, а созвездия становятся продолжением самых забытых мыслей нашего детства. Из-за контрастов температур между днем и ночью, под давлением длинных пальцев ветра поверхность песков оживает, соль заставляет трещать скалы и нет ничего более жуткого и прекрасного, чем ночные стоны этой земли. Когда становится достаточно темно, порой можно видеть блуждающие огни, то там то здесь встающие над пустыней, столько раз заставлявшие одиноких путешественников бежать без оглядки в сторону света ближайшего космодрома – туристического городка Сан-Педро-де-Атакама.

На этом, лишенном воды берегу величайшего океана планеты, есть места, где пустыня заканчивается отвесным, почти полукилометровым обрывом в море. Приходящие с запада тучи затягивают дюны и камни, красно-зелено-белую смесь цветущих гигантских кактусов и тени животных, обитающих над бездной. Каждая капля воды здесь куда ценнее всех прочих стихий, устроивших на этом краю света свой бессрочный фестиваль красок и форм. И человек еще раз вмешался, поставив в пустыне над океаном ловушки для облаков. Похожие на огромные паруса, полотна из тонкой ткани впитывают и конденсируют влагу туч, заставляя ее стекать капля за каплей в зарытые в песок накопители жизни. И глядя из океана кажется, что это сам американский материк поднял сизые паруса, чтобы вырваться из этого вставшего на якорь времени.

Все местные шахтеры знают о существовании птицы аликанто. Она питается золотом и серебром и сносит всегда два яйца – золотое и серебряное. Из-за столь тяжелой пищи, аликанто не может летать, только машет крыльями, которые светятся в темноте. Тот, кто уйдет в ночь за сиянием крыльев аликанто, должен быть осторожен. Только немногим удалось разбогатеть, выследив золотую жилу, из которой аликанто питается. Большинство

же из них навсегда заблудились в песках или разбились, упав в пропасть, к которой приводит аликанто тех, кто ее преследует.

В пригороде Сан-Педро, есть местечко, которое называется Тулор. Это зона раскопок первых человеческих поселений в этих краях, давно проглоченное песками селение индейцев-атакаменьос. Вокруг недавно эксгумированных строений на холмах видно множество островков кустарника, тянущего вверх мертвые, высушенные ветром ветки. Но если копнуть под ними, окажется что кусты эти – вовсе не кусты, а кроны бывших деревьев, которые росли здесь тысячи лет назад и были свидетелями рождения и смерти этой индейской деревни. Все здания Тулора время занесло песком, та же судьба постигла и соседнюю рошу, зачем-то напоминающую нам о себе из дюн черными ветвями.

В Андах, на высоте 5 тысяч метров и выше, после пересечения нескольких туманов, которые оказываются влажными внутренностями облаков, поднимаясь к ветренной глотке мироздания, выходить из машины нужно быстро и осторожно; кроме вечных снегов здесь живут вечные ветры, легко срывающие двери машин и плохо застегнутую одежду. Растущие здесь цветы льда за века ветров приняли форму сталагмитов, солнце заточило их синеватые острия. В этих ущельях у льда есть зубы, оскаленные в приветствии или насмешке тем немногим, кто поднимается к вершинам, когда-то созданным и затем покинутым неизвестными нам богами.

Всего несколько раз в году, в момент заката, на вершине вулкана Ласкар появляется заколдованный город Кималь. Говорят, в нем живут все воины, шахтеры и альпинисты, когда-либо пропавшие в этих горах.

Недалеко от главного порта чилийского севера Икике находится знаменитая на всю страну Ла-Тирана. Каждый год 16 июля в эту деревушку, насчитывающую чуть больше 800 жителей, со всего севера Чили и соседних Боливии, Аргентины и Перу прибывают более 230 тысяч паломников чтобы поклониться главной святой Атакамы – деве Кармен Тиране. О ее истории рассказывает следующая легенда. Когда-то испанское войско вело через эти места тысячи пленных инков, среди которых находились последний жрец солнца Уильяк Ума и его дочь – прекрасная Нюста Уильяк. Хотя «нюста» на кечуа и значит «принцесса», другое, собственное имя этой нюсты до нас не дошло. Пленные восстали, освободились и укрывшись в соседних холмах при поддержке местных жителей начали партизанскую войну против испанских завоевателей. Эту повстанческую армию возглавила принцесса Нюста, за жестокость по отношению к врагам, прозванная в народе Тираной, т.е. тираншей. Но однажды, когда к ее ногам бросили очередного пленника, молодого испанского солдата по имени Васко де Альмейда, их глаза встретились и тиранша Нюста влюбилась в юношу. Через некоторое время Васко убедил возлюбленную обратиться в христианскую веру, чтобы смочь обвенчаться. Во время процедуры крещения принцессы, тела Нюсты и Васко пронзили стрелы воинов нюстиного войска, посчитавших это предательством. Через много лет после этого, один христианский миссионер нашел в пустыне невесть откуда

появившийся крест, который как оказалось, возник прямо над могилой Нюсты. Тысячи лучших танцоров близлежащих земель трех стран в течение всего года репетируют и шьют костюмы, чтобы достойным праздником почтить память первой христианской мученицы Чили. Среди ярких красок карнавала, один из главных персонажей – рогатый глазастый дьявол. Это влияние древних шахтерских традиций этих мест. Миллионы индейцев, превращенных испанцами в рабов на местных серебряных шахтах, проводившие всю свою короткую жизнь в подземелье, поклонялись единственному из богов, усомниться в существовании которого у них не было ни малейшего повода. Этим богом был дьявол.

Стражи пустыни – это гигантские естественные фигуры из камня, песка и соли, оставшиеся стоять посреди пустыни после извержений доисторических вулканов и миллионов лет эрозии на ветру. Иногда они кажутся присутствием более человеческим, чем похожие на суетливых жуков джипы у их подножия. Первые проповедники, попавшие сюда в средневековье увидели в этих скульптурах ветра фигуры монахов и фигуры часовых. Таков был мир, который мечем и крестом предстояло навязать этой спящей Америке. А не самом деле – это никакие не стражи и не монахи – это сон творца четырех стихий, смешавшего в своей мастерской гигантских бабочек, раненых драконов, мечтателей будущего и множество разноцветных песчинок – нас, приносимых трудно сказать какими ветрами посетителей этих мест.

На сотнях из холмов и гор Атакамы внимательный взгляд обязательно обнаружит гигантские изображения лам, лягушек, змей, птиц и просто различных геометрических фигур. Выложенные камнями эти рисунки оказались нестираемы ветром и наиболее вероятный ответ на вопрос об их назначении достаточно прост. Эти таинственные фигуры – дорожные знаки для древних караванов, пересекавших континент задолго до его «открытия» европейцами.

В этих же краях, только чуть повыше, на пятикилометровой высоте, в рамках совместного проекта ведущих европейских и североамериканских обсерваторий строится самый большой в мире радиотелескоп. Проект называется Atacama Large Millimetre Array – с аббревиатурой ALMA, что по-испански значит «душа». АЛЪМА станет крупнейшим из земных насекомых, которое посредством 64 сверхчувствительных антенн установит самый полный из вообразимых сегодняшней науке контакт с космосом. Главная миссия АЛЪМы – помочь в ответе на вопрос о тайне возникновения жизни. Разрешение получаемой им информации будет в десять раз выше, чем у самого мощного из ныне действующих телескопов и его антенны позволят исследовать космический углерод и радиацию, излученную первыми из галактик миллиарды лет назад.

Если же смотреть не с Земли в космос, а из космоса на Землю – одним из наиболее заметных отсюда рукотворных объектов станет крупнейший медный рудник мира Чукикамата, расположенный всего в двухстах километрах от АЛЪМы. Чукикамата – «острие копья» или

Чуки, как фамильярно называют ее чилийцы, начала разрабатываться человеком не только до испанской конкисты, а даже до захвата этих территорий инками. Сегодня ее котлован составляет четыре с половиной километра в длину, больше трех в ширину и почти километр в глубину. Когда стоишь на кромке карьера, глазу очень трудно оценить настоящий масштаб Чуки. До сознания он доходит только когда в глубине этой рыжей ямы замечаешь похожие на копошащихся там жучков 380-тонные самосвалы «Катерпиллар». Когда к такому «жучку» подходишь, оказывается, что человеческого роста хватает примерно до середины его колеса.

В конце позапрошлого века на этих землях было обнаружено их главное, по тем временам, богатство – залежи селитры, использовавшейся как ценнейшее минеральное удобрение для мирового сельского хозяйства. Владевшие южноамериканской селитрой империалистические хищники спровоцировали Тихоокеанскую войну между Чили и союзом Перу и Боливии. За чилийской стороной находились интересы английского, а за боливийско-перуанской – интересы североамериканского капитала. В результате Чили лишила Боливию выхода к океану, а Перу – южной провинции Тарапака. Отредактированные официальными историками многие школьные учебники трех братских стран до сих пор учат детей одной и той же культуры и крови несложной науке шовинизма и неанависти к соседям, именуя это «патриотическим воспитанием».

После аннексии соседских территорий в Чили начался селитряный бум. Вокруг разработок, принадлежавших английским магнатам, в пустыне возникали настоящие города с собственной инфраструктурой и богатейшей индустрией развлечений; для иностранных управляющих компаний, которые в те годы не могли управлять бизнесом по интернету из-за океана, лучшими архитекторами Европы строились театры и дворцы. На гастроли в Атакаму прибывали популярнейшие европейские звезды. Изобретение и производство Германией искусственной селитры примерно к 1930 году покончило с селитряной промышленностью. Эти места опустели, и когда посещаешь их сегодня, невозможно не ощутить дыхания давно прошедшего времени. Климат пустыни сохранил все эти поселения так, как будто их жители ушли оттуда вчера. Возле почти каждого из сотен «селений-призраков» - кладбища с английскими, французскими, польскими и нередко русскими именами их рабочих.

Вечером по дороге к одному из таких «городов-призраков» наш шофер и приятель Рикардо увлекся рассказыванием нам всяческих страшилок о том, что «здесь часто происходит». Вспоминая теплые и полузабытые пионерские сидения у костров, мы внимательно слушали и разбавляли его чилийские ужасы самыми страшными сказками нашего детства. Когда мы вышли из машины пройтись по пустым, похожим на театральные декорации улочкам и сделать несколько фотографий луны, закатившейся за глазницы окон, мы с удивлением отметили, что главной жертвой собственных историй стал сам Рикардо. Он старался не отставать ни на шаг и торопил нас поскорее вернуться, потому что он «вспомнил, что дома ему должны срочно позвонить» по какому-то сверхважному делу. О главной и конечной

цели этой прогулки – посещения шахтерских могил мы решили даже не заикаться.

Поскольку Анды – самые молодые горы планеты, горообразовательный процесс здесь продолжается и в результате частых в этих краях землетрясений могилы нередко открываются и в них можно видеть прекрасно сохранившиеся в пустынном климате мумии людей, одетых в костюмы конца позапрошлого и начала прошлого века. Наверное время настоящее здесь все-таки немного ближе к прошлому, потому что природа в этих местах решила сделать исключение из части своих законов. Сохраняя материю, можем ли мы хоть немного сохранить и время?

На одной из окраин Сан-Педро живет Ален Мори, французский астроном, много лет проработавший в престижнейших обсерваториях Европы. Потом он приехал сюда, женился на местной жительнице Александре, продал или оставил все, что у него было в прошлой жизни и стал жить здесь, возле звезд и планет. В здешнем небе они куда ближе, чем в парижском. На все вырученные и добытые средства он купил несколько телескопов и предлагает гостям Атакамы ночные туры по звездному небу Южного полушария, начинающиеся и заканчивающиеся во дворе его простого и уютного дома.

С каждым рассветом, на высоте почти четырех с половиной тысяч метров и у самой границы с Боливией недра этой земли делают свой первый выдох и над сонным миром поднимаются первые столбы пара. Это гейзеры Татио - пожалуй, главная туристическая знаменитость чилийского севера. Действующая по принципу паровой кастрюли земля, выпускает накопившуюся за сутки энергию на 50 – 80 метров вверх через сотни больших и малых щелей, клапанов, клювов и ран. В первых лучах солнца брызги кипятка начинают светиться отражая краски гор, минералов и неба. Ледяной воздух Анд немедленно остужает и делает стеклом маленькие волны, которые растекаются по земле. Цветные струи дыма, бьющий из подземных котлов кипяток и всюду проникающий запах серы превращает здесь человеческие ощущения в самые адские из возможных в земных условиях. Татио – на языке населявших когда-то эти склоны индейцев значит «Плачущий старик», профиль которого хорошо виден в очертаниях соседней горы под лучами проснувшегося в Боливии солнца.

На подъезде к солончаку Атакамы есть озеро, которого нет ни на одной из карт. Озеро Сехар. Если быть точнее – это не одно, а три маленьких озерца, с изумрудной водой, в которую смотрит на себя самое чистое на планете небо. Берег из затвердевшей соли похож на зарубцевавшуюся на рыжей шкуре пустыни рваную рану. Входить в эту воду нужно осторожно; о высохшие сгустки соли легко порезаться. Глубины Сехар никто не знает, точно так же как и о его происхождении существует как минимум десяток взаимоисключающих версий. В нем столько соли, что утонуть и даже нырнуть невозможно. В сравнении с Мертвым морем – сплошные преимущества, и главное – отсутствие туристов и шуршащая тишина времени, которое течет над камнями. Верхние слои воды всегда достаточно холодны – по ночам в этих местах обычно бывают минусовые температуры, но снизу бьют горячие источники. Идеальное место для тех, кто привык держать ноги в тепле, а

голову в холоде. Чтобы добраться до озера Сехар, нужно на определенном километре свернуть с асфальтированной трассы и примерно полчаса ехать по просоленной полупустынной степи Альтиплано, пока вдали не появится одинокое дерево - единственный ориентир поворота к озеру, откуда останется еще минут двадцать пути. Когда это дерево высохнет, дорога к озеру Сехар будет потеряна и следующие поколения будут утверждать, что все наши воспоминания о нем – лишь красивая индейская легенда.

Что касается странных озер – в этих краях их предостаточно. Самое известное – возле деревушки Чиу-Чиу, названной так в подражание пению местной птички хильгеро, - имеет идеально овальную форму и считается бездонным. По крайней мере, его глубину до сих пор никто не измерил. По преданию, преследуемые алчными конкистадорами инки утопили в нем гигантскую золотую цепь, которая служила когда-то для сдерживания толпы во время религиозных церемоний в священном городе Куско. Еще говорят, что иногда вокруг этого озера, называемого иногда Охо-дель-Мар - Морским Оком, вдруг поднимается сильный ветер, сбивающий с ног и толкающий в воду. Этот ветер – Дьявол, который пытается забрать с собой любопытных, которые подошли слишком близко к тайне озера.

У берегов соседнего озерца Какена, живет бык-призрак. Тот кто услышит в ночи его мычание, к утру обязательно сойдет с ума. А еще в одном, названия которого не помню, живут русалки, видимо из-за солености воды, именуемые сиренами. В отличие от своих морских родственниц они не только поют, но и играют на инструментах. Поэтому если оставить на берегу на ночь ненастроенную гитару и уйти, к утру инструмент обязательно будет настроен нежными русалочье-сиреньими руками.

В Чиу-Чиу, где дома - ласточкины гнезда в скале, нависают над маленьким оазисом, выросшим вокруг ручья, местный мальчишка преградил мне дорогу полуробким-полууверенным жестом. «— Дальше нельзя, дядя, дальше живут черепа.» Я посмотрел на него, пытаюсь понять, о чем это предупреждение, но он не захотел или не смог больше говорить. Я продолжил вскарабкивание, переходя с неустойчивой двуногости, на менее эстетичные, но более надежные четвереньки и наоборот, пока не увидел прямо перед собой незаметные снизу, сложенные как карточные домики, плоские серые камни. Из глубины ближайшего «домика» меня уже встречал желтозубой улыбкой первый предок обитателей Чиу-Чиу. Черепа, живущие в этой зоне, похоже не ностальгируют особо по оставленному внизу миру и не требуют от живых ни визитов, ни жертвоприношений. Территория предков является табу и насколько удалось понять из односложных ответов и пожиманий плечами, ни живые к мертвым, ни мертвые к живым, в гости здесь обычно не ходят.

Среди прочих чудес, скрытых в сердце Атакамы, есть одно вполне политическое; улицы Карла Маркса и Владимира Ленина. Во времена диктатуры Пиночета на территории заброшенного селитряного рудника Чакабуко, здесь находился самый большой в Чили концлагерь для цвета нации, объявленного «раковой опухолью марксизма», подлежащей удалению. По периметру Чакабуко до сих пор зарыты противопехотные мины, а старые

полотна, провисшие на ржавых сторожевых вышках напоминают тени автоматчиков. Бывший заключенный Чакабуко, Роберто Сальдивар, 15 лет прожил здесь один, точнее, вдвоем со своей памятью, храня бывший рудник и концлагерь для потомков, которых может быть когда-нибудь заинтересует настоящая история их страны. - Когда мы, заключенные, впервые увидели здесь летающие тарелки, - рассказывает нам на крыше одного из строений Чакабуко, дон Роберто, поздно вечером, когда небо над пустыней начинает смешивать краски, - Кто-то из нас пошутил: «Наверное, это русские прилетели освобождать нас».

В заключение одного из дней, отличившегося принятием целой серии не очень удачных решений, мы в компании моей московской гостьи Милены и ее огромного чемодана, оказались ночью на окраине шахтерского города Каламы под забором городского кладбища, у шоссе, ведущего в туристическую столицу Атакамы – Сан-Педро. План заключался в том, чтобы на такси выехать из Каламы на трассу в Сан-Педро, выйти и ждать попутных okazji. В час ночи okazji в пустыне было немного, а немногие проезжавшие, при виде наших сюрреалистических физиономий и гигантского, похожего на гроб чемодана, только добавляли газу и наверное, при этом крестились. Спас нас через несколько часов какой-то китаец или кореец, к счастью, видимо незнакомый с местной мифологией.

Местные жители верят, что водится в этих краях жучок-часы. Эти жучки появляются всегда у одра умирающего и издают характерное «тик-так, тик-так», отсчитывая последние минуты жизни. Потом этих жучков, зеленых и мертвых, находят у изголовья покойного.

Принято считать, что в этих же излюбленных всяческой нечистью краях живет и знаменитый чупакабрас (хотя его официальный ареал простирается от южных штатов США до Огненной земли, здесь, возле Каламы, он бесчинствует чаще). Чупакабрас, дословно – козосос – мифическое существо, в существование которого верит добрая половина крестьян Латинской Америки, занимается тем, что темными безлунными ночами высасывает кровь из коз и остальных домашних животных. Репортажей и свидетельств – сотни. Что? Достоверность? В ответ процитирую фрагмент одной статьи, опубликованной пару лет назад в одной вполне серьезной газете вполне большого и образованного города Вальпараисо: «В течение последних дней чилийские ВВС бомбили гнезда инопланетян, недавно обнаруженные со спутников в труднодоступных районах Атакамы».

На берегах соленых озер гнездятся три вида фламинго, и стихийное разитие туризма принесло им куда больше вреда, чем бомбы чилийской военной авиации инопланетянским гнездам. Дело в том, что фламинго, постоянно фильтрующие крошечных рачков из озерного ила, должны питаться не реже, чем каждые полчаса. Некоторые туристы, чтобы увидеть и сфотографировать пламя их алых крыльев, часто бросали в них камни, заставляя их взлететь. Вынужденные позировать фламинго умирали от голода.

Известно, что монокультурность сельского хозяйства – признак экономической уязвимости, хотя у каждой из провинций мира обычно есть свой растительный символ. Известно,

например, что на Кубе растет сахарный тростник. В Мексике растет синяя агава, из которой делают текилу. В Колумбии растет кока. А а индейской деревушке Ласана растет морковь. Почему? Потому что ничто другое там, похоже, не приживается. Из морковки делают салаты, пасту, лепешки, пирожки и даже варенье. Говорят, что проведших в Ласане более не менее продолжительное время, можно легко узнать по характерной оранжевощекости организма, обогащенного бетакаротином.

Как известно из истории, караван золота, направленный инками для выкупа у испанцев их последнего правителя Атауальпы, так никогда и не добрался до Лимы. Говорят, самые красивые в мире вулканы – это близнецы («лос пайячатас») Паринакота и Помераме. Когда к концу лета на их вершинах остается меньше снега, внимательно приглядевшись можно увидеть там, вдали, узенькие лестницы, ведущие к сокровищам Атауальпы, которые спрятали индейцы в снегах вершин этих вулканов.

В декабре 1907 года в порт Икике спускаются десятки тысяч бастующих рабочих селитряных рудников, принадлежавших в те годы англичанам. Среди их основных требований – выплата зарплаты деньгами, а не фишками, которые печатаются на самих рудниках и имеют ход только в на территории рудника, свободный доступ на рудники торговцев, чтобы хозяин производства не был единственным дистрибутором-монополистом и металлические решетки вокруг котлов для безопасности работающих. Правительство Педро Монгта обещает дать официальный ответ на требования бастующих 21 декабря днем на центральной площади города, возле школы Санта-Мария, где разместились на ночлег многие рабочие с семьями и детьми. В полдень войска оцепляют площадь перед школой и против бастующих впервые в истории применяется самое современное оружие только что наступившего века – только что импортированные из Германии пулеметы. Тысячи рабочих и членов их семей остаются лежать на залитой кровью площади. «Демократическая пресса» или молчит или в лучшем случае приводит официальную цифру в 130 погибших «зачинщиков беспорядков».

Единственное, растущее в Атакаме, вдали от оазисов и океана, тамаруго – это дерево наоборот. Его корни в десятки раз мощнее, тверже и длиннее, чем десятиметровый ствол и крона. Тамаруго всегда находит в песках воду, как бы глубоко для этого не приходилось расти.

Кена – тростниковая флейта, без которой музыка Анд была бы просто невозможна. Грусть этого звука куда страшнее любой из известных нам историй. У одного индейского юноши была невеста, которую он очень любил. Но она неожиданно умерла, и из ее берцовой кости безутешный жених сделал самую первую в мире кену. Поэтому эта музыка так печальна.

Где-то в глубине пустыни есть Долина Цветов. Неземной аромат и красота цветения привлекает заблудившихся путников, они не знают, что каждый увидевший эту долину, немедленно умирает.

В «Детях капитана Гранта» ужасный кондор уносит в когтях мальчика, потому что Жюль Верн никогда не был специалистом в кондорах. Самая большая из летающих птиц планеты – кондор – является еще и одной из самых пугливых. Кондор – это гигантский стервятник, который питается только падалью, и его лапы и когти не приспособлены к поднятию к небесам тяжестей. Индейцы охотились на кондоров, просто дав им обожраться до такой степени, чтобы из-за тяжести съеденного они не могли взлететь. И сегодня этих величественных птиц, ставших главным украшением гербов андских стран, легче всего встретить на мусорниках и помойках высокогорных шахт. Но ради справедливости надо признать, что кондор – птица весьма чувствительная и сентиментальная. Когда-то латиноамериканские студенты ВГИКа рассказали мне следующую историю. Кто-то из них обнаружил в Московском зоопарке клетку со старым грустным кондором и чувство латиноамериканской солидарности привели в тот же вечер в зоопарк группу его друзей-музыкантов, чтобы сыграть пленному земляку известную тему «Полет кондора». На следующий день после концерта кондор умер. Видимо, от ностальгии.

Есть еще один распространенный миф о культе матери-земли – Пача-Мамы – главной из высших сил, которой поклоняются аймара. Именно так описали это понятие первые священники, попытавшие объяснить испанцам мир индейцев. Но на самом деле, Пача вовсе не земля в ее материальном смысле, а единство времени и пространства, то есть то на что ориентировались поколения земледельцев в своих посевах и сборах урожая. «Землей» этот термин подменили иностранцы, не понимавшие философских странностей покоренных ими народов, но пруспевшие в науке торговать чужими землями. В религии аймара не существовало ни раев, ни нирванн, главным идеалом жизни человека и поколений было сохранение ежегодного цикла жизни и смерти земли – «ураки» и «пачи» - единства пространства и времени. Было бы неплохо еще раз попытаться понять это в поисках причин участвовавших экологических бедствий современности.

В самом северном городе Чили Арике, когда-то отобранному у Перу, есть высоченный холм Морро-де-Арика – излюбленное место самоубийств арикчан, которые в какой-то период настолько часто сбрасывались с его вершины на автомобилях, что местному муниципалитету пришлось запретить проезд на самый верх, и к смотровой площадке, с которой открывается прекрасный вид на океан, порт и город, приходится ходить пешком. За одним из гигантских камней этого холма скрыт вход в пещеру, где много лет прятался один из главных военачальников империи инков. Те, кто отыскал ее – не вернулись, из-за того что воздух в этой пещере на все времена отравлен его проклятием.

В октябре 2005 года на горной трассе Арика – Путре случилась трагедия. Автобус с американскими туристами, возвращавшимися на свой круизный теплоход с высокогорного озера Чунгара, сорвался в пропасть и из 16 пассажиров выжили 4. Иван – местный гид – один из счастливых. Иван – сын бывших политэмигрантов, бежавших из Чили после переворота и много скитавшихся по миру, благодаря чему он выучил несколько языков и

сейчас является одним из лучших туристических гидов по Альтиплано. Мы стоим с ним на местном кладбище, у самой дороги Арика – Путре и смотрим на останки автобуса, катившегося в трехсотметровую бездну. Иван рассказывает:

- За несколько месяцев до этой истории я нашел могилу ребенка, у которого были мое имя и фамилия и мой год рождения. Он умер в четырехлетнем возрасте. Сначала меня это, конечно, удивило немного, но через какое-то время я забыл об этом. Когда мы начали падать и все пытались хвататься за сидения и прижаться к ним, кто-то откуда-то изнутри сознания сказал мне: «ни за что не держись, ничего не делай, пусть будет то, чему быть». Я вылетел через пролом в крыше, а автобус к пассажирами покатился вниз и все они погибли, раздавленные его тяжестью. Когда я вернулся в Путре (высокогорная деревушка, откуда выезжают все, спускающиеся с Альтиплано), почти все знакомые, которые видели, как мы уезжали, спросили меня: «Что случилось с ребенком?». Они видели на сидении возле водителя (который тоже чудом выжил) белокурого ребенка лет четырех-пяти. Разумеется, в автобусе никакого ребенка не было. Или был?

Иван Герра сорокалетний льет на могилу Ивана Герры четырехлетнего водичку, которую привез ему специально из Арики.

Почему бывают места, где постоянно происходят подобные вещи? Почему чем чем беднее какой-то край населением, тем он богаче странными историями, которые в рамках нашей культурной традиции принято называть «загадочными»? Знакомая индеанка, преподавательница одного из столичных университетов, рассказывала мне, что один из ее школьных учителей, ответил на этот же заданный ею в детстве вопрос примерно так: - Когда земля отравлена мусором и химией, когда она закатана под асфальт, когда над ней постоянный шум машин, земля не может дышать, ее никто не слышит, она умирает или впадает в спячку. В таких местах земля перестает общаться с человеком, перестает помогать ему, советовать и подсказывать. Привыкший слышать только себя не в состоянии услышать другого, тем более ее. Так и наша цивилизация, с детства приучающая нас бежать от самих себя, своих истинных чувств, не следовать своим снам, всю жизнь копировать слова и сны, которые чужие... Земля говорит с человеком только там, где он еще в состоянии ее услышать.

Олег Ясинский

Сантьяго, октябрь 2006 г.